

Х.Г. РАКОВСКИЙ И БЕССАРАБСКИЙ ВОПРОС В СОВЕТСКО-РУМЫНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (1917–1918)

© 2018 г. Ф. Константиину

Академик Румынской академии наук

Предлагаемая вниманию читателя статья из наследия одного из крупнейших современных румынских историков касается дискуссионной проблемы о судьбе золотых запасов Румынии, находившихся с конца 1916 г. на хранении в Москве и изъятых советским правительством в начале 1918 г. после ввода в Бессарабию румынских войск. На основе анализа источников автор пришел к выводу о том, что глава румынского правительства генерал А. Авереску подписал в Одессе соглашение с эмиссаром большевистского правительства Х. Раковским ради спасения заложников и в ожидании включения Бессарабии в состав Румынии по условиям заключения мира по окончании Первой мировой войны.

The article belongs to the legacy of the prominent Romanian historian and deals with the destiny of the golden reserve of Romania, which since the late 1916 had been preserved in Moscow and was expropriated by the Soviet government in the early 1918, after Romania occupied Bessarabia. On the basis of analysis of related sources, the author came to the conclusion that the head of the Romanian government General Alexandru Averescu signed an agreement with the emissary of the Bolshevik government Christian Rakovsky in Odesa for the sake of rescue of the hostages and in expectation of the annexation of Bessarabia to Romania in accordance with the provisions of the peace-treaty signed after World War One.

Ключевые слова: Первая мировая война, Румыния, 1918 г., большевистское правительство, золотые запасы, Бессарабия, А. Авереску, Х. Раковский.

Keywords: World War One, Romania, 1918, Bolshevik government, golden reserve, Bessarabia, Alexandru Averescu, Christian Rakovsky.

DOI: 10.31857/S0869544X0000848-5

Предлагаемая вниманию читателя статья посвящена двум проблемам, не раз становившимся предметом исследования специалистов и по сей день вызывающим дискуссии не только научные, но и политические в контексте непростых советско-румынских отношений: судьба депонированного в Москве румынского золота после его изъятия советским правительством в начале 1918 г. и соглашение Авереску–Раковского от 20–24 февраля (5–9 марта) 1918 г. с обещанием вывести румынские войска из занятой ими Бессарабии.

Очередное обращение к этим двум проблемам стало возможным благодаря документальным источникам, опубликованным в России. Речь идет о протоколах заседаний Совета народных комиссаров (СНК) (ноябрь 1917 г. — март 1918 г.) и переписке Христиана Раковского с заместителем наркома по иностранным делам СССР М.М. Литвиновым в декабре 1923 г. — феврале 1924 г.

И в определении судьбы румынского золота, и, разумеется, в процессе подготовки и подписания советско-румынского соглашения 1918 г. Раковский был одним из главных действующих лиц, а его переписка с Литвиновым содержит сведения, представляющие значительный интерес для изучения советско-румынских отношений, в том числе и бессарабского вопроса.

Приводя биографические сведения о Раковском, авторы неизменно подчеркивают космополитический характер его личности и деятельности: болгарин по национальности (настоящее его имя — Крыстю Георгиев Станчев), гражданин Румынии, получил образование во Франции, впоследствии переехал в Россию. Успешная карьера, казалось, являла собой маленькую Вавилонскую башню: выпускник медицинского факультета университета в Монпелье, один из руководителей социал-демократической партии Румынии, председатель СНК и нарком иностранных дел Советской Украины, полпред СССР в Лондоне, затем — в Париже, видный деятель «левой оппозиции» (троцкистской) в СССР, сосланный в Саратов, Астрахань и Барнаул, крупный работник Наркомата здравоохранения СССР и, наконец, узник сталинских лагерей, расстрелянный в начале Великой Отечественной войны (см. [1. Р. 421–428]). Таким был жизненный путь рядового врача, покоренного коммунистической утопией и мечтавшего изменить весь мир. И в личной жизни Раковский вышел за привычные рамки: женившись третьим браком на румынке Александре Кодряну (в девичестве Александреску), стал приемным отцом для ее дочери Елены от первого брака с доктором Филиппом Кодряну (подробнее см. [2])¹.

В первой четверти XX в. расхождения между прогерманской ориентацией румынской монархии и профранцузскими настроениями большинства населения в условиях, когда последнее выступало за национальное объединение Румынии путем присоединения Трансильвании, Буковины и Баната, выкристаллизовали позицию Раковского — он поддержал официальную политику нейтралитета. Раковский не без основания полагал, что малые страны являются инструментом в руках противоборствовавших великих держав. В условиях начавшейся Первой мировой войны он резко осудил призывы лидеров социалистических и социал-демократических партий как Германии, так и Франции поддержать свои правительства. По его мнению, «интересы рабочего класса воюющих стран не означают даже временного отказа от классовой борьбы» [4. Р. 449].

¹ В годы советской перестройки стало известно о существовании у Раковского сына Аскольда. Его мать, стенографистка Юлия Шеглова, познакомилась с Раковским в астраханской ссылке. Аскольд Юльевич Шеглов окончил медицинский институт в Астрахани, аспирантуру в Ленинграде, работал в Калининском (Тверском) мединституте. Свое родство с Раковским никогда не афишировал. В 1990 г. впервые побывал на родине отца — в Болгарии [3. С. 116] (*прим. переводчика*).

Летом 1916 г. в войну на стороне Антанты вступила и Румыния. Правительство Иона И.К. Брэтиану посчитало Раковского опасным элементом, особенно в условиях массированного наступления Центральных держав по территории Румынии и войны с Болгарией. Он был арестован и содержался в Яссах под присмотром солдат из гарнизона союзнических российских войск. Февральская революция 1917 г. в России привела не только к падению самодержавия, но и к распространению «революционной заразы» среди российских войск на Румынском фронте, вызвала смуту и беспорядки в самой румынской Молдове. Во время первомайской демонстрации солдаты яесского гарнизона освободили Раковского². После выступления на многотысячном митинге [6]³ перед своими освободителями он сразу же выехал вместе с М. Г. Бужором в Одессу. Там ими был создан Румынский социал-демократический комитет действия с целью подготовки революции в Румынии [7]⁴.

Из Одессы Раковский перебрался в Петроград, где, как он сообщил позднее в письме Литвинову от 11 февраля 1924 г., встретился с Лениным и обсудил с ним бессарабский вопрос. Поскольку, по словам Раковского, встреча состоялась накануне открытия Учредительного собрания, можно достаточно точно определить ее дату — до 5 (18) января 1918 г.: «Мы говорили, — писал Раковский, — что Бессарабия, если, конечно, выскажет пожелание, может быть присоединена к будущей Румынской Советской Социалистической Республике, и, если бы в Румынии уже была советская власть, конечно, решение этого вопроса никаких затруднений сейчас бы не вызывало» [9. С. 58]. Ситуация на Румынском фронте, где шло разоружение большевизированных российских воинских частей, и, возможно, указанная выше беседа с Лениным привели к обсуждению румынских дел на заседании СНК 11 (24) января 1918 г.

Как следует из протокола заседания, СНК заслушал «доклад Троцкого о положении в Румынии, в связи с неслыханными насилиями со стороны Румынского правительства по отношению к нашим войскам». Вывод делался на основании итогов совещания с участием Раковского и доклада специально созданной комиссии по проблемам Румынии. Решение было принято следующее: «Предложить партиям большевиков и левых социалистов-революционеров по ознакомлении их с личным составом комиссии пополнить ее своими членами» [10. С. 203].

Как известно, в тот момент российско-румынские отношения были очень напряженными. Советское правительство, протестуя против разоружения румынскими войсками большевизированных российских воинских частей на Румынском фронте, распорядилось арестовать румынского посланника в Петрограде Константина Диаманди, а также членов дипломатической миссии и ру-

² Хр. Раковский лично описал и прокомментировал свое освобождение в одной из одесских газет [5. Р. 231–234].

³ Утверждение, что на митинге собралось до 20 тыс. чел., не кажется преувеличенным (см. [5. Р. 221–223; 7]).

⁴ См. также подробный отчет о деятельности румынских коммунистов в Советской России, составленный А. Николау и адресованный Секретариату Коминтерна [8. Р. 134 și urm].

мынского военного представительства (1 января 1918 г.). Это привело к вмешательству аккредитованного в Петрограде дипломатического корпуса, дуайену которого — послу США Д.Р. Френсису удалось добиться освобождения арестованных. За этим последовали жесткие действия советской стороны — разрыв дипломатических отношений с Румынией и изъятие (после ввода румынских частей в Бессарабию для пресечения хаоса вблизи линии фронта) золотого запаса Румынии, привезенного в условиях германского наступления на хранение в Москву (13 января 1918 г. по ст. ст.). Советское правительство объявило, что вернет его румынскому народу в подходящий момент (о ходе этих событий см. записки и сводки румынского и советского правительств [11. Р. 9 și urm]).

В протоколе заседания СНК от 15 (28) января 1918 г. фигурирует и приложение — адресованный СНК доклад так называемой комиссии по ликвидации румынской контрреволюции. Вот его текст: «Обсудив имеющиеся сведения о положении дел в Молдавии и Бессарабии, комиссия (по ликвидации румынской контрреволюции. — *Ф.К.*) пришла к заключению о необходимости принять немедленно самые решительные меры к подавлению румынской контрреволюции. Для общего руководства в Молдавии и Бессарабии этим делом, по мнению комиссии, необходимо следующее:

1) В Кишиневе создать автономную Верховную русско-румынскую коллегию по румынским и бессарабским делам из председателей местных революционных организаций, стоящих на точке зрения Советской власти, как-то: “Румчерода” (Центральный исполнительный комитет Советов солдатских, матросских, рабочих и крестьянских депутатов Комитета Румынского фронта, Черноморского флота и Одессы. — *Ф.К.*), советов рабочих и крестьянских депутатов всей Бессарабии и г. Кишинева, Румынской социал-демократической рабочей партии, Молдавской социал-демократической рабочей партии и других организаций;

2) Для скорейшего проведения в жизнь вышеизложенного комиссия считает необходимым немедленно делегировать из ее состава нижепоименованных товарищей: Христиана Георгиевича Раковского, Михаила Георгиевича Бужора, Михаила Мануиловича Брашевана, Вильяма Бернардовича Спиро, Александра Константиновича Воронского, Федора Ивановича Куля (Полярного), а также Анатолия Григорьевича Железнякова, с полномочиями следующего содержания: “Предъявитель сего тов... назначается Советом Народных Комиссаров в качестве комиссара-организатора по русско-румынским делам на юге России”⁵;

3) Ассигновать в распоряжение Верховной коллегии на вышеуказанные потребности из средств Совета Народных Комиссаров пять млн руб.;

4) Для проведения в жизнь решения комиссаров одновременно отправлять с ними отряд революционных матросов и солдат под командой комиссара т. Железнякова, каковому отряду будет поручена доставка в один из надежных на юге пунктов фонда Полевого казначейства армий Румынского фронта ас-

⁵ М.Г. Бужор в воспоминаниях указал, что «названный мандат этого важного органа» за подписью Ленина он получил во время встречи с советским руководителем [12. Р. 322–323].

сигналов для Чернофлота и вышеуказанных ассигнований на нужды Верховной коллегии». Комиссия просила СНК принять экстренное решение по вышеуказанным вопросам. На документе стояли подписи председателя комиссии Г. Чичерина, ее членов и секретаря [10. С. 218–219].

На этом же документе от 15 (28) января 1918 г. имеются следующие пометы: «Взять эти пять миллионов из арестованных в Москве румынских денег. Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин), Управляющий делами Совета Народных Комиссаров Влад. Бонч-Бруевич || Взятые пять миллионов рублей покрываются из арестованного румынского фонда || протокол № 47, п. 11» [10. С. 219].

В приложении к той же группе документов имеется также записка следующего содержания:

«В Департамент Государственного казначейства
Дмитрию Петровичу Боголепову

Уважаемый товарищ, Совет Народных Комиссаров в заседании своем от 15 января постановил ассигновать из средств Государственного казначейства Верховной румынской коллегии по румынским и бессарабским делам пять млн руб. с покрытием этой суммы из арестованного в Москве румынского фонда. Сообщая об этом постановлении Совета, просим Вас принять экстренные меры к скорейшему проведению этой ассигновки, причем один миллион желательно выдать румынскими [ден]знаками» [10. С. 219].

Приведенные выше документы показывают, что советское руководство продолжало «стимулировать» революцию в Бессарабии и румынской Молдове, создав с этой целью подлинно «интернациональный» руководящий орган (в его состав входили представители России, Румынии, Бессарабии и Болгарии). Его деятельность обеспечивалась значительными денежными средствами — теми самыми 5 млн руб. из румынского золотого запаса.

Уверенное в неминуемой победе революции в Румынии и, как следствие, в создании в стране коммунистического правительства, советское руководство разработало проект декрета следующего содержания (как приложение к протоколу от 18 января 1918 г.): «Рабоче-крестьянское правительство Российской Социалистической Республики Советов приветствует первое Румынско-Бессарабское социалистическое правительство советов, образовавшееся в составе тт... (фамилии не указаны. — *Ф.К.*), выражая радость по поводу усиления рядов революции новым социалистическим союзником, Российское рабоче-крестьянское правительство передает в полное его (Румыно-бессарабское социалистическое правительство Советов. — *Ф.К.*) распоряжение весь наличный золотой фонд и все имущество бывшего Румынского королевского правительства, находящиеся в пределах Российской Республики Советов» [10. С. 244]⁶.

На заседании СНК 19 января (1 февраля) 1918 г. по ходатайству Раковского и Бужора обсуждался вопрос «о финансировании революции».

⁶ На заседании СНК был заслушан доклад Г.В. Чичерина о Румынии. Учитывая напряженность в советско-румынских отношениях, Раковский предложил СНК составить приветствие будущему революционному румынскому правительству. Сталин, однако, воспрепятствовал обсуждению этого вопроса. Протокол не раскрывает причины этого [10. С. 234].

Называлась и сумма — 10 млн руб. На сей раз постановили передать ходатайство на рассмотрение в Финансовую коллегия [10. С. 247]. Последствия этого решения исследователям пока не известны.

Когда речь заходит о соглашении Авереску—Раковского (март 1918 г.) о выводе из Бессарабии вошедших туда в начале 1918 г. в интересах стабилизации положения в крае румынских войск, первое, что привлекает внимание исследователя, — встречающаяся в комментариях к публикациям констатация, согласно которой «текст “переговоров” отсутствует в румынских дипломатических архивах и даже не упоминается в какой-либо форме в более поздних документах» [11. Р. 26].

В архиве МИДа Румынии хранятся документы, касающиеся этого соглашения, с одним из которых я имел возможность ознакомиться⁷.

О чем же вели «переговоры» премьер-министр и министр иностранных дел Румынии генерал (будущий маршал Румынии) Александру Авереску и руководитель автономной Верховной русско-румынской коллегии СНК Х. Раковский?⁸

Впоследствии Раковский неоднократно подчеркивал, что соглашение предусматривало вывод румынских войск из Бессарабии в течение двух месяцев после его подписания (см., например, [9. С. 53, 58]). Советская и постсоветская историография при публикации текста соглашения неизменно подтверждала эту позицию Раковского и увязывала сам документ с последующими событиями⁹.

Румынская историография не уделяла должного внимания соглашению Авереску—Раковского, всячески подчеркивая важность решения об объединении Бессарабии с Румынией, принятого на заседании Сфатул Цэрий¹⁰. В 1940—1950-е годы документ замалчивался, что было обусловлено сильной зависимостью румынского политического режима от СССР. Однако и после 1964 г., в условиях большего дистанцирования Бухареста от Москвы и утверждения там национал-коммунистических тенденций, румынские ученые по-прежнему не упоминали или полностью отрицали факт подписания соглашения Авереску—Раковского. Так, в одной из работ, характеризующей позицию румынской историографии эпохи Чаушеску, указывалось: «В некоторых зарубежных работах (имелись в виду работы советских авторов. — Ф.К.) принято говорить, что якобы было достигнуто соглашение о выводе румынской армии

⁷ Выражаю за это благодарность историкам Н. Николеску и С. Обизиуку.

⁸ С советской стороны «соглашение» также подписали представитель наркомата иностранных дел РСФСР в Одесской области М. Брашеван, глава Румчерода В.Г. Юдовский, председатель Исполкома СНК Одессы А.К. Воронский и комиссар южной группы войск Красной армии М.А. Муравьев.

⁹ См., например, статью о советско-румынском соглашении в молдавской советской энциклопедии (текст составлен в духе неприязни по отношению к Румынии: «Правительство королевской Румынии подло нарушило договор и аннексировало Бессарабию») [13. Р. 66—67]. М.И. Мельтюхов приписывает договору особое значение: «Договор имел большое значение для Советской России, так как являлся вторым после Брест-Литовского договора международным актом, в котором она была признана как суверенная держава, и первым договором со страной, входившей в Антанту» [14. С. 57].

¹⁰ Сфатул Цэрий — Совет страны или Совет края — высший орган государственной власти Бессарабии. Создан 21 ноября/ 4 декабря 1917 г. (*прим. пер.*).

из Бессарабии. На самом деле, эта интерпретация является исторической неточностью» [15. Р. 565]¹¹.

В одной из последних работ, посвященных жизни и деятельности маршала Авереску, ее автор П. Оту специально рассмотрел этот вопрос в главе «Спорное соглашение» и пришел к выводу, что «ответ румынского правительства был в некоторой степени небрежно подготовлен — факт, объясняемый путаницей, возникшей в череде быстро сменявших друг друга событий» [16. Р. 212, 217] (Серьезный анализ обстоятельств подписания соглашения Авереску—Раковского см. [17. Р. 18–23].)

Для историка было бы настоящей манной небесной получить личные записи генерала Авереску о переговорах с Румчеродом и заключении соглашения. К великому сожалению, опубликованный дневник Авереску времен Первой мировой войны заканчивается именно 5 (18) марта 1918 г. и не содержит сведений о переговорах с советскими представителями в Одессе. Сделанная позднее автором приписка к записи от 28 февраля 1918 г. повествует о беседе с Ионом Инкулемом, главой Сфатул Цэрий, о возможности объединения Бессарабии с Румынией [18. Р. 309].

Один из политических оппонентов маршала Авереску И.Г. Дука был категоричен в вопросе о существовании соглашения Авереску—Раковского и его негативных последствиях для позиции Румынии по бессарабскому вопросу. Текст из его воспоминаний — настоящая обвинительная речь, заслуживающая воспроизведения полностью:

«Известно, в какой действительно трагической ситуации находятся наши соотечественники в Одессе и на юге России в целом. Таким образом, долгом правительства Авереску было сделать все возможное для их спасения. Но после того, что мне сказали, по совету Арджетояну¹², родители которого находились в Одессе, Авереску с непозволительным легкомыслием заключил с Румчеродом (sic!), т.е., на самом деле, с Раковским, соглашение, в основе которого в обмен на репатриацию наших соотечественников он обязался в течение двух месяцев эвакуировать румынские войска из Бессарабии. Немыслимо представить себе, какой аргумент получили, таким образом, большевики против нас, т[ак] к[ак] мы в официальном документе доказываем самим себе, что оккупация Бессарабии была неправым делом, хотя наше положение и вопиющая историческая правда заключались в том, что эта румынская область вернется добровольно и навсегда к Матери-Родине, от которой она была силой несправедливо отторгнута царской Россией. Меня и сегодня спрашивают, как стало возможным, что генерал Авереску подписал этот документ. Сама идея расплаты за несколько сотен румынских жизней ценой ухода из Бессарабии чудовишна. После отстранения Авереску сам собой потерял значение и договор, но нельзя не считаться с тем, что эта жалкая ошибка является единственным аргументом, к которому Россия могла бы апеллировать против нас по вопросу о Бессарабии, и меня сильно пугает, чтобы

¹¹ Авторы ссылаются на заявление наркома иностранных дел Г.В. Чичерина от 2 марта 1920 г. о том, что «переговоры в феврале/марте 1918 г. были безрезультатными “из-за немецкого и австрийского вторжения”».

¹² К. Арджетояну — известный румынский политик, а в это время министр юстиции в правительстве А. Авереску (*прим. пер.*).

она (Россия. — *Прим. пер.*) не застала нас врасплох в минуту больших испытаний. Покамест же Авереску доказал еще раз, что не являлся фигурой, отвечавшей нуждам времени, и что его отставку нельзя было больше откладывать» [19. Р. 75].

Конец цитаты ясно указывает на силы, стоявшие за спиной И.Г. Дуки и идейно вдохновлявшие его. Либералы и, в первую очередь, Брэтиану не могли согласиться с фактом сосредоточения власти в руках человека, не поддававшегося политическому давлению. Авереску не соглашался быть инструментом в руках второго «визирия» румынской политической жизни (первым был отец Брэтиану — И.К. Брэтиану старший!). Естественно, что Дука негативно относился к соглашению Авереску—Раковского и склонен был объяснять вмешательство Арджетоану исключительно личными мотивами.

Неверным является и утверждение Дуки, что «после отстранения Авереску сам собой потерял значение и договор». Соглашение перестало действовать *de facto* после бегства из Одессы большевистских руководителей, среди которых был и Раковский, из-за приближения к городу германо-австрийских войск.

Я думаю, что обвинения, выдвинутые Дукой в адрес Авереску, основаны на ошибочной концепции, согласно которой именно пребывание румынской армии в Бессарабии явилось решающим фактором ее объединения с Румынией. Так считали советские руководители, а вслед за ними и советская историография. В действительности, Бессарабия воссоединилась с Румынией не в результате военной операции, а по решению Сфатул Цэрий, представительного демократического органа Бессарабии¹³. Итоги голосования Сфатул Цэрий не были продиктованы военным присутствием Румынии в Бессарабии. Известно, что мнения его членов разделились вплоть до полярных, и ключевую роль сыграла пламенная речь К. Стере¹⁴ в пользу объединения.

Итак, Дука ясно подтвердил существование соглашения Авереску—Раковского, оглашая обязательство румынской стороны покинуть территорию в течение двух месяцев. Однако существует и другая версия, призванная оправдать генерала Авереску и подтвердить имидж Румынии как страны, которая решительными действиями стремилась защитить свою территорию от большевистских банд, пытавшихся установить советскую власть. Сторонники этой версии утверждают, что Авереску, желая обезопасить румын Одессы и юга России, подвергаемых арестам и угрозам большевиков во главе с Раковским (см. [20. Р. 244; 7. Р. 396–403]), установил с ними контакт. Генерал отправил Раковскому через полковника Д.У. Бойля текст соглашения с уточнением, что принимает все требования

¹³ Дискуссии о том, насколько этот орган, избранный не на основе всеобщего волеизъявления, был в тех условиях легитимен и представлял интересы всего населения Бессарабии, не прекращаются в литературе (*прим. редк.*).

¹⁴ Стере, Константин (1865–1936) — молдавский и румынский политический и государственный деятель, писатель, публицист, депутат Сфатул Цэрий от Сорокского уезда Бессарабской губернии. 27 марта 1918 г. на заседании Сфатул Цэрий призвал депутатов голосовать за объединение Бессарабии с Румынией, заявив, что в противном случае румынское государство «будет вынуждено аннексировать Бессарабию без вашего согласия» (*прим. пер.*).

и условия, выдвинутые Румчеродом, за исключением первого — об эвакуации румынских войск из Бессарабии в течение двух месяцев. По сути, это условие было самым важным в договоре (поэтому и стояло первым в перечне требований).

Фредерик Нану, румынский дипломат и знаток национальных дипломатических архивов, предложил следующее объяснение позиции Авереску: «Премьер-министр Румынии генерал Авереску написал в тексте ультиматума: “Все условия, за исключением первого, будут приняты, но еще до начала переговоров одесские румыны должны быть освобождены”. В то же время он сделал помету “нет” на полях напротив первого параграфа с требованием покинуть территорию Бессарабии и поставил “да” напротив остальных параграфов. Отрицание “нет” находилось прямо над строкой, где оговаривалась эвакуация из Бендер. Полковник Бойль, занятый сохранением жизни заложников, принес набросок положительного ответа, который хотел взять с собой на следующий день. К этому наброску добавилась просьба правительства Авереску о немедленном обмене военнопленными, а в предложение, которое санкционировало эвакуацию, были включены также слова “за исключением условий пункта 1, призывающего к немедленной эвакуации из Бендер”. Очевидно, что из-за спешки произошла ошибка, т[ак]к[ак] не имело никакого смысла оставлять гарнизон в одном-единственном городе на украинско-бессарабской границе в то время как все остальные войска выводились и коммуникации оставались в распоряжении большевиков. Сам генерал Авереску 24 июня 1918 г. объяснял румынскому парламенту, что предполагал начинать эвакуацию именно с Бендер. Более того, в телеграмме от 11 (24) марта, направленной им румынскому командованию в Бессарабии, говорилось, что 5 марта было достигнуто соглашение с ведомствами Раковского и Юдовского (вышеупомянутой комиссией СНК и Румчеродом. — *Прим. пер.*) о признании завершенным вооруженного конфликта между румынскими и большевистскими войсками. Авереску сообщал, что “демаркационной линией по ту сторону Днестра, которую не будут пересекать даже патрули, станет правобережье реки”» [21. Р. 108–109].

Следовательно, согласно Нану, спор вокруг соглашения Авереску–Раковского возник из-за неправильной интерпретации помет к тексту Авереску (отрицание «нет» относилось к расположенным справа строкам об эвакуации из Бендер) и последующей редакторской правки окончательного варианта текста, произведенной в спешке. Схожего мнения придерживается и Оту, указавший на небрежно подготовленный ответ румынского правительства [16. Р. 217], о чем уже упоминалось выше.

По моему мнению, если объяснять случившееся как досадную техническую накладку, допущенную при редактировании текста соглашения, то генерал Авереску стал виновником дисквалифицирующего его компетенцию действия: глава правительства и министр иностранных дел не имел права отправлять подписанный им документ (независимо от того, насколько велика была угроза, нависшая над румынами Одессы и юга России) без его внимательной и даже, я бы сказал, сверхвнимательной проверки. Как человек военный и, следовательно, выдержанный и хладно-

кровный (это убедительно подтверждает вся его военная карьера и политическая деятельность), наделенный чувством ответственности, Авереску не мог действовать под влиянием паники и не мог проявить небрежность в деле государственной важности.

Остановлюсь на двух важных моментах.

Во-первых, ответ румынского правительства, отправленный Румчеродом из Одессы, звучал следующим образом: «Все условия указанного предложения принимаются безоговорочно, так, как они изначально сформулированы, за исключением условия, содержащегося в пункте, требующем немедленного вывода войск из Бендер» [11. Р. 22]. Румынское правительство в варианте текста, отправленном в Одессу, следовательно, согласилось на эвакуацию воинских частей из Бессарабии в течение двух последующих месяцев, но хотело удержать за собой Бендеры.

Во-вторых, источники, имеющиеся в нашем распоряжении, начиная с ответа советских властей из Одессы и заканчивая свидетельствами румын, находившихся в городе, совпадают, показывая, что ответ, полученный от румынского правительства, большевики расценили как урегулирование конфликта с Румынией (см. [22]).

Думается, что самым значимым документом, свидетельствующим о получении ответа румынского правительства, является телеграмма, отправленная 28 февраля (13 марта) 1918 г. Раковским Ленину и Троцкому: «Мир был заключен через полковника Бойля из канадской армии. Статьи договора следующие: Румыния официально объявляет, что постепенно покидает Бессарабию и будет немедленно эвакуироваться из Жебриянской бухты, стратегического военного пункта вблизи Дунайских гирл. По мере ухода румынских войск оставленные объекты будут заниматься нашими войсками. Через два месяца в Бессарабии останется только десять тысяч румынских солдат для охраны румынских складов и железных дорог» [11. Р. 28]. После сообщения о событиях, которые несколько ослабили позицию большевиков, Раковский делает вывод: «Мы могли бы добиться лучших условий мира от Румынии, если бы мы имели чуть больше времени для переговоров» [11. Р. 29].

Оставляя в стороне обоснование Раковского, замечу: из рассказов очевидцев ясно, что ответ румынского правительства рассматривался как советско-румынское соглашение, которое положило конец жестоким действиям советских властей по отношению к румынам Одессы и юга России. Так, капитан авиации К. Андрееску 2 июля 1918 г. писал в одном из рапортов в Информационное бюро Управления Генерального штаба о прибытии 25 февраля полковника Бойля «с подтверждением мирного договора со стороны румынского правительства, в соответствии с которым нужно произвести срочный обмен военнопленными» [23. Р. 95–96]¹⁵. Имеющиеся свидетельства едины в том, что советская сторона (Румчерод) расценила ответ Авереску как одобрение условий Раковского и его окружения, за исключением вывода войск из Бендер, т.е. оговорки, полученной Советской Россией.

¹⁵ Версию Э. Николау см. [23. Р. 113].

Политические оппоненты Авереску заняли такую же позицию. В парламентской «дуэли» генерала с вице-премьером и министром иностранных дел в правительстве германофила А. Маргиломана (март — октябрь 1918 г.) К.К. Арионом, состоявшейся на заседании Палаты депутатов 23 июня 1918 г., последний был весьма категоричен: «Вы отвергли только первое условие, т.е. начало эвакуации из Бендер и Жебриянской бухты (в тексте соглашения: *Jebriani* — рум. — *Ф.К.*). Это всё. Так расценил это и Раковский, который получил Ваше условие» [24. Р. 226]. Утверждая, что ответ Авереску содержал согласие на требование Раковского, за исключением вывода войск из Бендер, и что Раковский и его товарищи были удовлетворены полученным ответом, исследователи всегда ссылаются на Ариона.

Между тем, выступление Авереску в парламенте было противоречивым и уязвимым. В ходе «дуэли» с дипломатом генерал 23 июня 1918 г.¹⁶ в Палате депутатов сообщил об обстоятельствах подписания спорного соглашения.

Его выступление содержало несколько важных моментов:

а) текст, отправленный в Одессу, прошел правку, которая не во всем совпадала с резолюцией самого Авереску: «Отдел, когда работал [...] расширил мою резолюцию. Не изменил сути дела, но, конечно, она не совпадает с ней». «Следовательно, утверждение в неточной редакторской правке поспешно? — быстро атакует К.К. Арион. — Вот, господин генерал, как Вы стали жертвой отделов. Вас вынудили принять как раз то, чего Вы не хотели [...] Вы жертва отделов? (Взрыв смеха)» [26. Р. 222, 227];

б) даже если некий «отдел» некорректно отредактировал точку зрения Авереску (а именно, отказ от эвакуации войск из Бессарабии), тем не менее стоит отметить, что его намерение не было искажено. Формулировка, которая отражает отказ от эвакуации из Бендер, в соответствии с позицией Авереску, должна интерпретироваться следующим образом: Румчерод требовал «постепенной эвакуации из Бессарабии, начиная с Бендер», отказ же покидать Бендеры в силу расположения этого города на восточной границе Бессарабии сделал вообще невозможной эвакуацию румынских войск из края: «Если не начнешь с Бендер, — говорил Авереску, — не сможешь продолжить постепенную эвакуацию. Именно так понял тот, кто редактировал текст» [26. Р. 223]. Довод генерала звучит вполне аргументированно.

Итак, позиция Авереску была сформулирована следующим образом: хотя правка ответа не соответствовала решению генерала, все же в варианте, отправленном советской стороне, его позиция была очевидной: постепенная эвакуация румынских войск из Бессарабии, предписанная Румчеродом, должна была начаться с Бендер (и Жебриянской бухты), но при отказе покинуть Бендеры это означало само собой отказ от эвакуации из

¹⁶ Для румынской историографии характерно, что в различных работах это выступление датируется по-разному: Ф. Нану указывает 24 июня 1918 г. [21. Р. 109]; в румынском издании документов по истории советско-румынских отношений в 1917–1934 гг. — 18 августа 1918 г. [11. Р. 22]. В документах о соглашении Авереску–Раковского, подготовленных МИДом Румынии, говорится о 29 июня 1918 г. [25]. В действительности, Авереску доказывал правомерность соглашения с Раковским, отвечая на критику Ариона, на заседании Палаты депутатов 23 июня 1918 г. (см. [26. Р. 215–230]).

Бессарабии. Представляя этот аргумент, Авереску риторически заключает: «Вот, господа, как я отдал Бессарабию» [26. Р. 223]¹⁷.

Генерал подчеркнул, что если бы было принято решение покинуть Бессарабию, то он остался бы с определенным количеством войск на границе области, поскольку в манифесте, опубликованном тогда начальником Генштаба Румынии, ясно указывалось, что румынские военные покинут Бессарабию только тогда, когда там будут восстановлены порядок и спокойствие.

Далее Авереску остановился на вопросе о целесообразности и возможности объединения Бессарабии с Румынией в тот момент. В общем виде этот вопрос был представлен парламентариям следующим образом:

а) до заключения мира с Центральными державами и их союзниками Германия и Австро-Венгрия побуждают Румынию оккупировать Бессарабию в качестве компенсации за потерю Добруджи¹⁸;

б) Бессарабия представляет собой территорию, зараженную большевизмом, который оказывает влияние на политику страны, что может вызвать большие трудности;

в) между Румынией и Бессарабией существовали большие различия в структуре и управлении (характер аграрных отношений, конфессиональная система и т.д.), которые осложняли включение области в состав страны;

г) временный характер ослабления России, которая сумеет восстановить свои силы и положить тем самым начало новому этапу в конфликте между двумя странами¹⁹.

В конечном итоге генерал, который, и об этом никак нельзя забывать, сам являлся уроженцем Южной Бессарабии, констатировал: «Думаю, что объединение Бессарабии и Румынии до подписания мирного договора²⁰ было преждевременным; если бы объединение случилось сегодня, оно

¹⁷ Относительно Жебрианской бухты Авереску уточнил: «Еще есть местность, Жебрианул [...] из которой просят эвакуироваться, но эта местность по ту сторону Днестра. Было бы правильным покинуть ее, потому что мы ограничили границу Днестром» [26. Р. 223].

¹⁸ Заслуживает упоминания факт, что в 1941 г. маршал Й. Антонеску, решившись аннексировать Транснистрию, т.е. Левобережное Приднестровье, не хотел никаких публичных упоминаний о добруджанском прецеденте, чтобы не давать повод немцам утверждать, что аннексия территории между Бугом и Днестром является компенсацией Румынии за Северную Трансильванию (см. [27. Р. 52–53]).

¹⁹ Авереску принадлежит следующая оценка: «Россия больна, неоспоримо, что она очень больна; но Россия не погибла и поправится. Нам, малой стране, не следует злоупотреблять этим паралитическим положением, в котором находится наш сосед. Мы окружены болгарями, венграми и русскими. У нас нет никакого интереса, напротив, было бы безрассудной политикой с нашей стороны пытаться испортить отношения со всеми. Следовательно, без исключительного повода не нужно провоцировать положение дел, которое могло бы иметь [нежелательные] последствия для наших будущих отношений с Россией» [11. Р. 224]. Арион возражал: «Такая Россия, какой она была, больше не сможет возродиться. Прежняя Россия умерла навсегда, потому что не смогут отказаться от своего государства ни Украина, ни Финляндия и ни одна из стран, родившихся на обломках России, где слились снова в одном море деспотизм и автократия» [11. Р. 228]. Прекрасный повод поразмышлять о прагматизме, адекватности оценок и прогностических способностях румынских политиков, как в прошлом, так и в настоящем.

²⁰ Мирный договор с Германией, о котором идет речь, был подписан пока еще на ее условиях, 7 мая 1918 г. (*прим. ред.*).

имело бы другие последствия. Желаю вам от всей души избежать каких-либо нежелательных последствий» [11. Р. 225].

В свете заявлений Авереску попытаемся суммировать его мотивацию при заключении соглашения с Раковским.

Главной его целью являлось спасение румынских заложников из Одессы, ставших заложниками бесконтрольных действий Раковского²¹. Быстрое завершение переговоров с большевистскими властями Одессы было делом первостепенной важности, чтобы прийти на помощь находившимся в опасности соотечественникам.

В момент заключения договора с большевиками Авереску не считал своевременным объединение Бессарабии с Румынией. Это следует из его приведенных выше слов. Неопределенная и посему поддающаяся различной интерпретации формулировка об уходе из Бессарабии имела двойной расчет: обезопасить румын из Одессы и южной России и воспользоваться двухмесячной передышкой для урегулирования бессарабского вопроса. Иными словами, использовать сохранявшееся (в том числе благодаря оговорке о Бендерах) военное присутствие Румынии в междуречье Прута и Днестра и объединить Бессарабию с Румынией **после** заключения мира с Центральными державами и их союзниками.

Не нужно забывать, что в течение двух месяцев, отведенных на эвакуацию румынских войск из Бессарабии в качестве аванса Центральным державам, на Украине могло произойти (и произошло) крушение большевистской власти в Одессе, а Румыния могла получить «добро» на активные действия в Бессарабии после заключения мира с Германией, Австро-Венгрией и их союзниками.

Уверенный, что момент объединения Бессарабии с Румынией еще не наступил, Авереску на правах премьер-министра советовал главе Сфатул Цэрий Иону Инкулецу и руководителю молдавского (бессарабского) правительства Даниэлю Чугуриану огласить прокламацию об объединении, дождавшись более подходящих условий [29]. Напомню, что по соглашению с Раковским в Бессарабии на протяжении определенного времени могли находиться 10 тыс. военнослужащих для охраны складов и путей сообщения, т.е. речь шла об обеспечении, хотя и в ограниченных масштабах, румынского военного присутствия.

Думается, Авереску подписал одесское соглашение с большевиками, чтобы спасти заложников и выиграть время, исходя из перспективы заключения мира с Центральными державами и их союзниками и создания благоприятных условий для включения Бессарабии в состав Румынии.

Раковский, со своей стороны, исходил из того, что подписанное соглашение предусматривало вывод румынских войск из Бессарабии в течение двух месяцев. Это подтверждают его письма закрытого характера на имя Литвинова от 5 января и 11 февраля 1924 г., которые, будучи лишены пропагандистских клише, отразили суть позиции революционера. Однако со-

²¹ См., среди прочего, красочное повествование К. Арджетоаяну, родители которого находились в Одессе. Автор приводит в приложении расписку, выданную Раковским генералу Арджетоаяну после конфискации его вкладов из сейфа, находившегося в банке «Le Credit Lzonnais» [28. Р. 94, 307].

бытия развернулись по-другому, и Бессарабия оказалась включена в состав Румынии. Оставаясь последовательным противником любых уступок советской стороны королевской Румынии в бессарабском вопросе и вместе с тем не отказываясь от планов революционизирования Юго-Восточной Европы, Раковский лаконично выразил свою позицию в письме к Литвинову от 29 декабря 1923 г.: «Нам нечего торопиться вынимать из румынской ноги бессарабскую занозу» [9. С. 52].

В директиве Политбюро ЦК ВКП (б), адресованной участникам советско-румынских переговоров, которые состоялись в Вене (27 марта – 2 апреля 1924 г.), четко и ясно указывалось, что «Бессарабия ни в коем случае не может быть уступлена Румынии» [9. С. 49]. Х.Г. Раковский мог быть вполне удовлетворен.

Перевод с румынского А. Гладышевой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Broue P. Rakovsky ou la Revolution dans tous les pays. Paris, 1996.*
2. De-a lungul și de-a latul secolului (1908–1999). Însemnări autobiografice și reconstituiri documentare despre Elena Codreanu-Rakovski / Culese de G. Bratescu. București, 2002.
3. *Чернявский Г.И., Станчев М.И., Тортика (Лобанова) М.В.* Жизненный путь Христиана Раковского. Европеизм и большевизм: неоконченная дуэль. М., 2014.
4. *Rakovski C. De la Zimmerwald la Berna // Gândirea marxistă on România precomunistă. O antologie. București, 2006.*
5. *Ideologie și structuri comuniste (1917–1918) / Ed. de F. Tănăsescu/ București, 1995.*
6. *Rakovsky Ch. Selected Writings on Oposition in the USSR, 1919–1930 / Ed. by G. Fagan. New York, 1980 // <https://www.marxists.org/archive/rakovsky/biog/index.htm>*
7. *Mosolov A.A. Misiunea mea on Rombnia / Ed. de Marin C. Stănescu. București, 1997.*
8. *Fereșan C. Sub steag străin. Comuniștii și Partidul Comunist din România on arhiva Kominternului (1919–1924). București, 2011.*
9. «Нам нечего торопиться вынимать из румынской ноги бессарабскую занозу». Письмо Хр. Раковского с М.М. Литвиновым // Источник. 2001. № 1.
10. Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 г. М., 2006.
11. *Relațiile româno-sovietice. Documente / Ed. D. Preda. București, 1999. V. I. 1917–1934.*
12. *Bujor M.G. Scrieri social-politice (1905–1961) / Ed. N. Copoiu. București, 1979.*
13. *Enciclopedia Sovietică Moldovenească. Chișinău, 1970. Vol. 1.*
14. *Мельтюхов М.* Освободительный поход Сталина. Бессарабский вопрос в советско-румынских отношениях в 1917–1944 гг. М., 2006.
15. *Mușat M., Ardeleanu I. De la statul geto-dac la statul român unitar. București, 1983.*
16. *Otu P. Mareșalul Alexandru Averescu. Militarul, omul politic, legenda. București, 2005.*
17. *Murad-Mironov A. Improvizatie sau iresponsabilitate? Acordul Alexandru Averescu-Chiristian Rakovski, martie 1918 // Istorie și civilizație. 2009. Noiembrie. № 2.*
18. *Averescu A. Notițe zilnice din război, 1916–1918. București, 2000.*
19. *Duca I.G. Amintiri politice. München, 1982.*
20. *Țurcanu I. Unirea Basarabiei cu România. Preludii, premise, realizări (1918). Chișinău, 1998.*
21. *Nanu F.C. Politica externă a României, 1919–1933 / Trad. L. Roșu și E. Ungureanu. Iași, 1993.*
22. *Procopiu G. Parlamentul în pribegie (1916–1917). Amintiri, note, impresii. Ed. a II-a. București, 1992. P. 90–91; Stahl H. Cu Parlamentul on URSS (1916–1918). Ed. a II-a. București, 2003. P. 203–204.*

23. Rakovski. Dosar secret / Ed. de S. Tănase. Iași, 2008.
24. «Monitorul Oficial». Adunarea Deputaților. № 16 din 6 septembrie 1918. Ședința din 23 iunie 1918.
25. Negocierile Averescu–Rakovski din 1918. AMAE. Fond 71/URSS. Vol. 131. F. 147.
26. «Monitorul Oficial». Adunarea Deputaților. № 16 din 4 septembrie 1918. Ședința din 23 iunie 1918.
27. Bossy R. Jurnal, 2 noiembrie 1940 – 9 iulie 1969 / Ed. de I. Mamina. București, 2001.
28. Argetoianu C. Memorii pentru cei de mâine. Amintiri din vremea celor de ieri / Ed. S. Neagoe/. București, 1995. Vol. V.
29. Kristescu C. Istoria Războiului pentru întregirea României, 1916–1918. Ed. a II-a. București, 1989. V. III. P. 111; Popovici A. The Political Status of Bessarabia. Washington, 1931. P. 211–212.